

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Багрова Ю.Ю.

*Багрова Юлия Юрьевна - студент,
кафедра теории и истории государства и права,
Юридический институт
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир*

Аннотация: *в статье анализируются основные правила составления правотворческого текста, а также выявляются существенные недостатки современной правовой терминологии, лексики и стилистики.*

Ключевые слова: *правотворчество, юридический термин, лингвистические ошибки, юриспруденция.*

Вопрос о совершении лингвистических ошибок довольно часто предстает в сфере юриспруденции, так как большое разнообразие сфер влияния права влечет за собой увеличение количества терминов. По этой причине необходимо разработать определенные правила их формулирования и использования. Тексты законов и нормативно-правовых актов реализуют юридический язык, при пользовании которым мы сталкиваемся не только с юридическими, но и лингвистическими задачами.

Для того, чтобы достигнуть соответствия текстов юридических документов правилам техник данной отрасли науки, необходимо грамотно пользоваться языковыми средствами, которые выражают содержание норм права в нормативно-правовых актах, следовательно, существует необходимость развития практики написания нормативно-правовых актов, направленных на поддержание условий упорядоченности и стабильности общественных отношений, что способствует предотвращению нарушений и ошибок в процессе реализации права.

Важными отличиями юридического языка выступают его официальность и форма документального закрепления. По причине единства закона для всех граждан и общественных отношений, его написание должно быть стандартным и стереотипным. Для реализации такого подхода необходимо ликвидировать из текста детали и частности.

Стереотипность законодательной документации достигается путем использования конкретики и языковых шаблонов, таким образом формируются общепринятые юридические установки. Н. С. Таганцев отмечал, что «в кодексах уголовных вырабатывается свой собственный язык, иногда даже с своеобразной конструкцией фраз; язык очень часто литературно тяжелый, неязычный, но имеющий громадное преимущество по своей точности и определенности...» [4, с. 78].

Достигнуть стандартного и строгого текста помогают повторения типичных языковых и синтаксических конструкций, применение отглагольных существительных (например, «представительство», «защита», «развитие» и т.д.), употребление лексических конструкций (настоящим актом, на основании пункта), множество причастных и деепричастных оборотов, присутствие маркеров и иерархических нумераций, использование производных предлогов (например, «вследствие», «в продолжение», «ввиду» и т.д.).

Такой подход к составлению законодательной документации позволяет добиться не только простоты и ясности, но также дает возможность любому гражданину понять смысл юридического документа. Таким образом достигается выход законодательства за рамки сферы деятельности юристов и становление его общедоступным. Однако здесь нельзя забывать о возможности нарочитого упрощения правотворчества. Кроме того, для большинства людей узконаправленная документация по обыкновению не является необходимой. Этот вывод подтверждают и слова Ушакова о том, что «законы бывают двух видов: рассчитанные на обширную аудиторию и предназначенные для профессионалов» [5, с. 124].

Нельзя забывать о том, что специфика языка права не должна игнорировать фундаментальные нормы языкознания. Так в качестве существенных недостатков современной правовой терминологии можно выделить ряд проблем. К таковым относится обозначение одним термином нескольких различных понятий и несколькими терминами одного понятия, к примеру термин «деяние» подразумевающий под собой «акт осознанно-волевого поведения человека в форме действия или бездействия» [3, с. 352] может приравниваться к значению слов «акт», «поступок». Но аналогично «акт» так же используется для обозначения официальных документов.

Часто в законодательной документации используются слова с экспрессивной или другой эмоциональной окраской, в качестве примера можно привести слова «претенциозный», «дерзкий», «соблаговолител» и другие.

Либо отмечается присутствие не всегда обоснованной иностранной терминологии, согласитесь, значение термина «продлонгация» может поставить обывателя в тупик, однако отразить суть данного понятия можно использовав принятое в обиходе слово «расширение». В качестве другого неудачного примера заимствования можно привести такой термин, как «контракт», не имеющий точно установленного значения, который все-таки вытеснен на данный момент общеупотребительным «договор» или более узконаправленным «трудовой договор», что еще раз говорит о двоякости в интерпретации заимствованного термина.

Следующая проблема - использование устаревших либо неуместных выражений в качестве терминов. Архаизмы в современном русском языке давно занимают позицию пассивного запаса, однако право относится к тем консервативным отраслям науки, которые стремятся к сохранению устойчивости письменной речи, даже если имеется более понятная и современная альтернатива. Такой подход можно оправдать тем, что право «один из первых “блоков” цивилизации» [1, с. 51], подразумевающее традиционную преемственность. Примером таких терминов служат слова «заимодавец», «древостой», «бремя» и другие. При работе с архаизмами нормодателю не следует применять их в качестве синонимов, а также стоит убедиться соответствии используемого понятия современной жизни.

Также можно выделить такие проблемные случаи создания и интерпретирования правовых текстов, как применение лингвистически неблагозвучных и неправильных терминов и отсутствие единства терминологии на всех иерархических уровнях действующего законодательства, чрезмерное распространение и обособление предложений. Последнюю проблему можно решить, используя вставные конструкции, которые отличаются емкостью и информативностью.

Если обратиться к стилистике правотворчества, можно также проследить ряд трудностей и недостатков. К примеру, наличие большого объема слов, используемых в одном падеже (чаще всего это родительный падеж) затрудняет понимание смысла такого текста. К искажению восприятия информации также приводит нарушение порядка слов.

Однако, простота и понятность законодательного текста не выступают главными критериями грамотно составленного законодательного текста. Важным требованием в данном случае выступает точность, пренебрежение которой в понимании Д. А. Керимова способно «повлечь за собой тяжкие последствия» [2, с. 86].

Методами достижения искомой точности юридического языка можно считать соответствие закрепленных в законодательстве норм тем нормам, которые фиксируются в нормативных актах. Также необходимо использовать максимально соответствующие ситуации синонимы и соблюдать грамматические, орфографические и пунктуационные правила, нарушение которых не допустимо в законе.

Простота конструкций языка и точность изложения материала помогает добиться однозначности понимания закона, простоте восприятия его смысла, а также лаконичности, влияющей на простоту запоминания конкретных положений и устоявшихся фраз и понятий. Однако, стремление к простоте и краткости не должно повлечь за собой негативных последствий – потере и искажении информации. Для передачи установки к исполнению тех или иных норм и правил необходимо вводить в текст законов конкретику, рекомендации по их реализации.

Таким образом, можно сделать вывод об отличиях правового и лингвистического понимания юридического текста, однако они так или иначе тесно переплетены друг с другом. Именно познания как в части языкознания, лингвистики, так и правотворчества позволяют добиться точности передачи правовой информации широкому кругу граждан, имеющих различную специализацию и уровень знаний.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Теория права. М., 1993.
2. *Керимов Д.А.* Кодификация и законодательная техника. Л., 1962.
3. *Розенталь Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М: Просвещение, 2012.
4. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. М., 1994. Т. 1.
5. *Ушаков А.А.* Содержание и форма в праве и советское правотворчество: автореф. дис. ... д-ра юрид. Наук. Свердловск, 1970.